

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

Всегда предкове наши собраниемъ ходили на волка, егоже такъ удобно ловили. Сим же образомъ вкупѣ на турка идите христиане, аще жити в мирѣ вы хотите.

Лѣта господня 1596-го.

Всякъ вѣдати имать сие, и истинна есть повѣсть моя, зане лутче вѣмъ и совершеннѣе, неже соравненники¹ мои, яко турки по вся времена владѣния своего побѣдителями выну суще над всѣми, ей, народы бывають, но никоегоже к себѣ множае народа не почитають, ниже на каковъ озыраются, ниже коего зѣлнеѣ боятся, яко московского и польского народу. Аще ли кто вѣдати желаетъ, откуда ми сие вѣстно есть, тогда вократце сиче объявлю.

Сулиман, салтанъ турской,* прадѣдъ нынѣшнему Махмету-салтану,* человекъ мудръ, праведен, воздержателенъ, милостив зѣло, не точию турские, но и христианские убогие дома милостынями удовольствуяй, и искусенъ сущъ и в художествѣ небесных течений, и из нихже усматривая узналъ, яко государство и монархия Турская ни от коего народу, токмо от польского изгублено будет, откуда ему сие приходило, что польской народ нѣкогда с московским полнощным народом случится² имать. Того ради никогда на Польшу не наступалъ, хотя и иным турком и пашом удобнѣйшее время к разорению и скорѣйшому обладѣнию показалось, будучи так блиско, понеже городовъ и крѣпостей не имѣеть и приступление³ абие готовое турком и татаромъ само по себѣ является. И то разсуждая, иных народовъ, яко уже прежде рекох, вмалѣ почитал, брань с ними творя и оных попирая. Народ же польской и московской всегда между инными народы чтилъ, почитал, любилъ, страшился ихъ, перемирья с ними постоянно содерживал. И сверхъ сего, егда выѣхалъ в венгерскую землю, гдѣ потом Сыгерѣ-град взялъ, тогда духовную написав, отдал ю одному славному своему везиру Смахмет-паше, единому от князей словенскихъ наслѣднику, идѣже сие написано бысть: «Вѣмъ, яко из тоя войны не возвращуся, обчае в Бозѣ имамъ надежду и в пророкъ Махметѣ, что тамо всеу не поѣду. Тѣм же и сынъ мой Се-

¹ современники; ² соединится; ³ доступность, приступ.

лимъ, иже по мнѣ владѣти учнетъ, и наслѣдники его вѣдати о семъ имѣют, что Богъ, сие небо и звѣзды его изъясляютъ, яко никоторой народ никогда вредити не можетъ сему государству, кромѣ самого народу польского. Тѣмже повелѣваю и увѣщеваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали* и сабли свои не подымали. Вельми паче о семъ ¹радѣние чините¹, какъ бы ихъ к тому привести, чтобы со иными королями и князьями христианскими не соединились, ибо истинно есть, докуль вы тому перемирье нерушимо и вѣру крѣпко содержати учнете, то и они вамъ оное содержать. Но какъ скоро вы есте на них несправедливо и насильством силою своею восхотѣли наступити, а они бы соединились со Вѣденским королем* (такъ убо цесаря христианского называютъ турки) или с царемъ Московским, тогда истинну глаголю, что абие уже надходит падение государства Турского, то есть Отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везировъ его, и всѣхъ наслѣдников Отоманских, дабы никогда с саблями своими против народу польского возноситься не дерзали, аще восхотятъ, чтобы то государство нерушимо долго пребывало».

Сей тогда есть разумъ духовного писма салтанъ-Сулеймана, салтана Турского, которое и по се время соблюдаютъ в казнѣ константинопольской, еже салтанъ Селимъ, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно хранил, держа нерушимо перемирье с народомъ польскимъ. Послѣди же салтанъ Муратъ* учал сомнѣваться о томъ духовномъ писмѣ, сказывая, яко сие Сулейман, дѣдъ его, учинил жены своея ради (яже бѣ от рода росийскаго дщерь священника из Рогатына).* И какъ скоро сѣде на государство, помыслилъ воздвигнути войну на христианъ, и иные всѣ везиры и паши совѣтовали ему, чтобы прежде на Польшу войну началъ. И сказали оному вси, имянно чауши², которые часто в Польше бывали, что все государство Польское въ единъ годъ овладѣет, только забавить³ Каменецъ и Львовъ, а по сем и обо всемъ христианствѣ покуситься⁴ и овладѣти можетъ.

Махметъ-паша понеже в то время еще живъ былъ, которому Сулейман-салтан отдалъ духовную свою к сохранению, имѣя первой чинъ, или везирство, у дѣда, и у сына, и у него, — тогда велѣлъ из казны оное духовное письмо принести, дѣда его, салтана Сулеймана, и прочетши оное, пространными словы салтану сие к разсуждению приводил, дабы, мимо пущая Польшу, шел со всею силою в венгерскую и немецкие земли. Но между симъ Господь Богъ устроил иную жертву: возбудил персидскаго шаха и нѣкоторых аравитцких князей, на которых оную силу, против христианъ изготовленную, на арапы и персыды обратити принужден. В то же время, будучи он в частых болѣзнях и не могучи сам на войну ѣхать, возлюбил отчасти астрологию и призвалъ себя от Египта из Александрии, из Дамаска, и изъ иныхъ государствъ научныхъ звѣздословцевъ, иже его учашу художества того, чтуще ему о томъ частократно.

¹—1 заботу проявляйте; ² курьеры; здесь, м. б., лазутчики; ³ займет; ⁴ дерзнет.

Услышав же о сем единъ астрологъ, Мустаеддинъ прозвищемъ нарицаемый, человекъ зѣло ученъ и искусенъ в том художествѣ, поѣхал с купцы перскими в Костянтинополь и наняв себѣ избу в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ быше Калкидонъ, положениемъ сопровитъ Константинополя* над самымъ морем, идѣже поживе нѣколко недѣль. О нем же егда салтанъ турецкой Муратъ въдомость восприялъ, повелѣ его призвати к себѣ и вопроси его, аще лутше наученъ есть в художествѣ? «Болии азъ есмь мастеръ, нежели твои астрологи, однако же еже умѣю, покажу, и они потому же, что умѣютъ, да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно¹ что бѣло и что черно разсудити можешь».

Вопроша же его салтанъ Муратъ: «Мустаеддынъ, можешь ли ми впредь будущая сказати, или ни?» Отвѣщал: «Аще ли то Богъ далъ лѣкарю, яко художествомъ своимъ познаваетъ по лицу человекъ смертнаго, вельми многае далъ Богъ тѣмъ, иже о небесныхъ спрашиваютъ ся вещей и во оныхъ ся обучиваютъ. Господь Богъ да сотворяетъ салтану, государю моему, изо всякого дня тысящу дней во долгое житие, Божию помощию мошно ми есть и симъ учениемъ небеснымъ сказати будущая, точию бы когда быхъ имѣлъ какое мѣсто и особой вертоград² на высокомъ мѣсте со орудий звѣздохотными». Велѣлъ ему салтанъ дать вся, яже к тому потребна суть. Придавъ ему и казначья с колико десять тысящми червонныхъ золотыхъ. Он же, переѣхавъ чрезъ море на ту сторону, усмотрѣлъ себѣ изрядное мѣсто и вертоградъ за Галатою, от которого мѣста не токмо Константинополь и корабли к пристанищу приходяще, но и карабли, и катарги³, и пушечной наряд⁴ далече на море сквозъ Константинополь видѣти могъ. Якоже тот вертоградъ предъ лѣты красенъ былъ, належащъ единому италянину из Венеции (нѣкоему утаенному, иже из Венеции ушелъ бѣ и обусорманился), но по смерти его обрушились были каменные стѣны, тогда тамо послано нѣсколько сотъ людей адямальгланъ,* (ихже имутъ за десятину отъ христианъ бѣдныхъ и плачевныхъ), которые, оное мѣсто оградивше каменною стѣною, изрядныхъ древесъ насадиша и различныхъ травъ насѣяша, также и кладезь устрояху зѣло прекрасный. В посреди же того вертограда повелѣ астрологъ тотъ каменный столпъ поставить вышиною яко на двѣ копии.* А половина того столпа здѣлана была изъ дерева зѣло стройно вверху каменного тако, что кругомъ обращался движениемъ единого токмо самаго онаго Мустаеддына-астролога, которой днемъ и ноцию смотрѣлъ на небо чрезъ трубу мѣдную, яже здѣлана была чрезъ деревянной столпъ и прозорь имѣла отъ низу кверху. Велѣлъ такожде себѣ зѣло великихъ мѣдныхъ круглыхъ колесъ въ 12 сажень здѣлать, ихже по семъ сиче спаяно, что вмѣсто складались на образъ глобуса,* на коихъ разные арапского и персидского писемъ слова и небесные знаки были.

Понеже тогда отъ салтанова двора и изъ полатъ его видимъ былъ столпъ тотъ новоустроенной, вшелъ салтанъ по обычаю в лодку с своими комнатными и пере-

¹ легко; ² сад; ³ гребные суда; ⁴—⁴ артиллерию.

ѣхал через море, всяде на конь и, приѣхав в вертоград, обрѣте астролога, смотрящаго на небо и пишуща нѣкакие черты. Вопросы его по сем: «Скажи ми, не видѣл ли еси какие именитые¹ мимошедшие притчи²?» Он же рече к нему: «Господь Богъ тебѣ ото всякого дня единого тысящу дней салтану, государю моему, да сотворит! Нѣсть ничтоже зла тебѣ, все доброе и благополучное видѣх». Рече паки салтанъ: «Но что же видѣлъ еси? Повѣждь ми, да увѣмъ учение твое и искусство». Он же ему: «Буди долговѣченъ, салтан, государь мой великой и знатной! Первоначальнѣйший невольникъ твой лютою смертию згинет». Вопросы его салтанъ: «Аще в Константинополи, или во Египтѣ, или во ином коем государствѣ?» Отвѣща, яко «иже под боком твоим пребываетъ, и тот, сѣдяще на судѣ, злѣ погибнет». Ждал же того дни салтанъ, размышляя в себѣ: «Которой везирь умрет и естъли то збудется, что астролог говорил?» И между симъ абие учинена вѣдомость, что нынѣ един де ли или казакъ бѣдной убил Махмет-пашу, первоначальнѣйшаго везыря. Велѣлъ его салтан к себѣ привести и спросити, почто онъ везыря убил? Он же отвѣща: «Для того убих его, что мою убогую заслугу, у меня взяв, иному отдалъ. И азъ сотворився безумным и долго его стерегъ, да же усмотрив время, ножем моимъ, в бумагу *обернув* вмѣсто челобитной, убивъ его закололъ и обиду мою с великою радостію отомстилъ есми». Повелѣ же салтанъ того измысленного безумного коньми волочить по Царѣграду, да же умре, посем на крюкъ повѣсити.

Дивлялся потом и часто помышлял салтанъ о сем астрологе и о умѣнии его. Прилучися паки, что ѣхалъ морем из единого доброзрячнаго вертограда, по которой есть к Черному морю во Азии,* повелѣ судно припустити³ к берегу, ко овому астрологу и вертограду, идѣже пребывает. Приѣхав же тамо, повелѣ призвати его к себѣ. Он же изшел, но лицом смущенным. Рече к нему салтанъ: «Узнах уже правду твою со жалѣниемъ моим. Повѣждь нынѣ, аще ли еси видѣлъ нѣчто опасное?» Он же отвѣща: «Здрав буди вовѣки, салтаново величество, все добро в твоей мочи и не есть ничтоже злобное». Салтан же видя его, яко истинно дражащаго, рече со гнѣвомъ: «Буде доброе или горчайшее, скажи ми, Мустаеддынъ!» — «Аще, салтан, государь мой, сотворишь перемирье между гнѣвом своимъ и душою моею, и азъ, раб, должен буду сказати, еже видѣхъ». Рече же салтанъ к нему: «Душею предковъ моих и отца моего кленуся, что тебе ничтоже учинитися имать, повѣждь ми безопасно». Астролог же к нему глагола: «Множество людей твоихъ мусульманскихъ, имянно же великия войска твои, от неприятелей твоихъ погибнуть». И по сем салтанъ печален отиде. И не прошло двадесяти дней, когда Османъ-пашу персиды побили под Тивиріемъ, градом столнимъ персидские земли,* яко в то время 80 000 турковъ погибло, а Османъ-паша, со остальными людьми уходя, от печали и болѣзни умре. По сем же

¹ знаменитые; ² указания, беды; ³ привести.

салтанъ зѣло заскорбѣ, и смутися сердце его против астролога, и чрез многое время у него не бываше.

Потом же помысли еще единожды астролога того посѣтити, но не заста его. И тогда вопрошаше вертоградаря и адымагдаланъ, камо отиде. Они же сказали, яко нѣгде поиде прохладитися по винограду. Повелѣ его искати, и не обрѣтоша его. Во утрии же обрѣтше его дверники, к салтану приведоша зѣло страхом исполненного. Узрѣв же его, салтанъ пригласи его умилными словесы к себѣ, глаголя к нему: «Не бойся, под клятвою, юже сотворих ти, ничтоже зло учинится тебѣ. Повѣждь ми точию, что видѣл еси?» Отвѣща ему астрологъ с клятвою, яко «ничтоже вредително видѣхъ». Тогда рече к нему салтан: «Прошу тя, присмотрися прилѣжно течению небесному, да увѣси, долго ли сие государство состоятся¹ может и от какова разорено и погублено имать быти народа?» Он же, поклонився ему, рече: «Сотворю, салтанъ-государь, яко повелѣлъ ми еси», — и отиде. Не истерпѣв же салтанъ, но во третий день в вертоград паки приѣде, прилѣжно вопрошая у астролога своего о будущем, но онъ долгое время возбранися² сказати, даже упрошениемъ и обѣщаниемъ обнадеженъ сущъ. Рече по сем сице: «Буди здравъ, салтанъ, государь мой, Господь Богъ да розмножит и сотворит от всякого дня тысящу дней! Ты же в мирѣ поживеши, покамѣсть самъ похощеши, и побѣду получиши над всѣми неприятельми твоими, и никакой народ тебѣ и государству твоему страшень не будетъ, и никто побѣды над тобою не одержитъ, доколѣ в мирѣ сохранишь и перемирье содержишь съ единым народом в сосѣдствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная. Сей народ от предковъ своихъ храбръ и славенъ есть, но нынѣ зѣло лѣнив к войнѣ и несогласенъ. Однако же народ тот добрѣ счастливъ, сего ради не задержися с ними, аще похощеши в покое сохранити государство свое, убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людем и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему,* тогда безо всяких трудов сие государство овладѣти возмогутъ».

Поѣхалъ по сем салтанъ прочь от него и, призвав к себѣ пашей своих, также и первоначальнѣйшаго духовнаго своего со иными наученными, извѣщая имъ вся сия будущая и мимошедшая вещи и вопрошая ихъ, что они вѣдают и разумѣют о семъ государствѣ, какъ долго имать пребывати. Повѣсть³ же творили они и толковали Алкоранъ пророка своего Махмета, показывая, яко до тысящи лѣтъ токмо тому государству пребыти, и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-м быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турецкой посылал войско свое зъ беглербегом грекомъ до Снятина,* о чем, даст Богъ, пространнѣе и во иных вещех в латинском писмѣ воспоминаенно будет. Астрологовую ⁴рѣчь совершаю⁴ и глаголю, яко тѣ люди, в бусурманской ереси Махметовой наученные, салтану то показали, что тая наука, кую персид тотъ умѣет, бѣсовская есть: «И аще ты, салтан, человѣка того не изгубишь, тогда сия вся,

¹ существовать; ² отказывался; ³ объяснение; ^{4—4} рассказ оканчиваю.

яже ти рекль есть, дѣлом збытися могутъ. Но аще ли умрет, тогда и дѣйства его изреченныя уставитися¹ должны, и государству сему ничтоже вящше вредитися может».

Тогда салтанъ, абие призвавъ старѣшаго от дверников, повелѣ ему итти со нѣколикими, дабы Мустаеддына-астролога взяли и, связавъ, в море его вкинули. Иже как скоро в вертоград внидоша, абие стрѣте ихъ веселым лицом, рекъ: «Здравствуйте, господа, так тыр улла, то есть, суд Божий или предположение никогоже мимо идетъ. Рыбы морские днесъ ми гробом будут, народ же полуношный вскорѣ вами владствовати учнетъ». Взяли его по сем и в море междо Галатою и Константинополем вкинули и тако утопили. Такову кончину восприят сей славный астрологъ. Его же вертоград, и столпъ, и вся орудия повелѣ абие салтанъ разорити и сокрушити, которой по се время пусть стоять.

¹ отвратиться.